

самом деле, после «Опасного спутника» наши зрители уже не смогут, следя за драматическими перипетиями, пребывать в безмятежном спокойствии за судьбу героя».

В «Опасном спутнике» уже были заявлены две темы, которые станут главными в творчестве Салынского, — тема труда и тема подвига. Впрочем, тема одна: труд как подвиг, подвиг как труд. Конфликт Селихова и Корчемного, сшибку самоотверженности и эгоизма, скромности и самодовольства, деловитости и вспышечности, честности и подлости мы обнаружим во многих пьесах драматурга.

Одни его пьесы тяготеют по жанру и стилю к оптимистическим трагедиям Вишневецкого, другие — к героическим комедиям Погодина. Погодинская традиция, пожалуй, в его драматургии явственней: она просматривается и в проблематике, и в интонации, и в сюжете-

Соломин (я читаю только москвичей). Можно говорить, следовательно, не только о драматургии Салынского, но и о театре Салынского.

Салынский опробовал разные способы драматургического письма. Начав с традиционной психологической драмы, он в некоторых своих пьесах широко обращается к условным формам — к смещению действия во времени, к «напылкам», к внутреннему монологу, к воображаемому диалогу. В последних своих пьесах драматург, как кажется, возвращается к традиционным формам, но опыты в жанре условного театра не прошли для него бесследно, перо его стало свободнее и увереннее.

Драматург может сохранить единство места действия, как в «Барабанщице», или, напротив, беспрестанно менять его, как в «Марии», но за этим — не авторский произвол, а худо-

и все забывается...» Память и забвение выступают в этих его пьесах как категории нравственные и социально активные. Забытый фронтовой друг; исчезнувший во вражеском плену человек, о котором надо, обязательно надо дознаться, умер ли он как предатель или погиб как герой; отец, не стерпевший несправедливости, и сын, которому предстоит справедливость восстановить; долгожданный, без вести пропавший на войне муж, — все это не только вчерашнее, но и сегодняшнее. «Если справедливость — так для всех, живых и мертвых!» — этими словами заканчивается «Забытый друг». Мысль о связи времен, о преемственности поколений очень дорога писателю.

Салынский верил в молодость и тогда, когда сам был ровесником своих молодых героев, эта вера не иссякла в нем и многие годы спустя, ког-

позиции, чем для того, чтобы не верить...»

Салынский вполне владеет искусством энергичного и выразительного сценического диалога. Он умеет одной колоритной фразой метко охарактеризовать говорящего: «В черные дни оккупации я честно вела образ жизни». Или: «Ты погоди мне шить моральный облик». Или: «Пора капитально обзаводиться взаимностью».

А как точно и сильно найдена последняя, предсмертная фраза Нилы Снежко: «Запомните нас веселыми!». Эта фраза обращена одновременно и к тем, кто ее окружает в этот смертный час, и к нам, зрителям, ради счастья которых она не пожалела своей молодой жизни.

Не все пьесы А. Салынского в равной степени удачны; встречаются порой непрописанные сцены, иные персонажи кажутся необязательными, отдельные сцены — затянутыми. Но драматург всегда твердо знает, что он хочет сказать людям своей пьесой. Он писатель открытой и ясной позиции. Драматург любит нашу жизнь, но не оскорбляет ее притворным приукрашиванием. Он не обходит острые углы, болевые точки, трудные проблемы, нерешенные вопросы. Его любимые герои не всегда идеальные люди, но всегда люди с идеалами, «люди с умным сердцем», как говорится в «Барабанщице». Самая высокая похвала для его героев: «Честный ты мужик...». И они знают: «Сохранить это звание очень трудно» («Мужские беседы»).

Герои Салынского сражаются за справедливость, за «хлеб и розы для всех». «Хлеб и розы» — этот образ, навеянный гейневской строкой и послуживший названием одной из пьес Салынского, крайне существен для понимания эстетического идеала драматурга. Не хлебом единым жив человек, ему нужны и розы, ему необходима красота. Вот почему секретарь райкома Мария Одинцова так отчаянно борется за сохранение обреченной на взрыв мраморной скалы, — дело не только в том, что добрычки мрамора, жители ее родного Излучинска, останутся без промысла, но и в том, что нельзя разрушать красоту, которую мрамор несет людям.

Так понимает Мария Одинцова свой долг партийного руководителя. Так понимает Афанасий Салынский свой долг советского писателя.

Е. ХОЛОДОВ

«ДОРОГА ПЕРВЫХ» — хорошая пьеса, вот настоящий сюжет и много таланта. Будет писать! Н. Погодин».

«Будет писать!». С тех пор, как Николай Погодин написал эти слова на обложке пьесы начинающего свердловского драматурга Афанасия Салынского, прошло почти три десятилетия. И вот перед нами выпущенный издательством «Искусство» однотомник Салынского «Драмы и комедии», в который вошло десять его пьес. «Дорогу первых», эту пробу пера, автор в свой сборник не включил, хотя, по отзыву того же Погодина, «это настоящая советская драматургия, где человек показывается в труде, где его страсти, столкновения, горечи, радости сами собой вытекают из его труда».

Сборник открывается пьесой «Опасный спутник» (1952). Сейчас эта пьеса может показаться излишне прямолинейной и назидательной, но я хорошо помню большое впечатление, которое она произвела в свое время. Позволю себе привести в подтверждение несколько строк из своей давней статьи: «Принципиальный интерес представляет, на наш взгляд, решение конфликта, предложенное А. Салыньским в «Опасном спутнике». Как известно, главный герой Селихов в конце пьесы погибает, хотя и одерживает полную морально-политическую победу над своим противником Корчемным. Не будем гадать, что побудило драматурга к выбору печальной для героя развязки. Как бы то ни было, Салынский сделал благое дело. И не столько, пожалуй, для своей пьесы, сколько для нашей драматургии в целом. В

БИБЛИОТЕКА 8-й СТРАНИЦЫ

ДОРОГАМИ ПЕРВЫХ

сложении большинства его пьес, в которых «человек показывается в труде».

Все десять пьес, вошедших в однотомник, увидели свет на сцене, хотя сценическая их судьба сложилась по-разному. Знаменитая «Барабанщица» вот уже почти двадцать лет не сходит со сцены и только в Центральном театре Советской Армии выдержала более семисот представлений. Пьеса «Мария» была поставлена более чем в семидесяти театрах страны. Заслуженным успехом у зрителей пользовалась острая сатирическая комедия «Ложь для узкого круга». К лучшим пьесам Салынского я отнес бы также «Летние прогулки»: спектакль Малого театра показывает, какие возможности таятся в этой многоплановой, серьезной и тонкой пьесе. Ряд его пьес поставлен за рубежом.

Салыньскому дано чувство сцены, он пишет не просто характеры, но роли. Лучшие роли, сыгранные в его пьесах, вошли в творческую биографию таких талантливых артистов, как В. Доронин и Е. Матвеев, П. Чернов и М. Зимин, А. Фетисова и А. Попов, Л. Касаткина и С. Мизери, Т. Пельцер и В. Васильева, В. Самойлов и А. Лазарев, Р. Нифонтова и В.

жественная целесообразность, продиктованная самой идеей пьесы. Ему так же важно подчеркнуть прикованность Нилы Снежко к месту, где ее обязали быть чрезвычайные обстоятельства, ее долг разведчицы, как и дать нам почувствовать «охоту к перемене мест» Марии Одинцовой, которой по должности — секретарь райкома и по призванию — человек для людей необходимо быть повсюду, где она нужна в данный момент.

В «Алисе в стране чудес» Керролл пронципально заметил, что время — тоже действующее лицо. В театре Салынского время, пожалуй, главное действующее лицо. В таких его пьесах, как «Забытый друг», «Ложь для узкого круга», «Летние прогулки», «Долгожданный», драматизм высекается из сопряжения двух временных стихий — прошлого и настоящего. Дела давно минувших дней властно вторгаются в сиюминутную жизнь, круто поворачивая весь ее ход. То, что есть, повернется тем, что было; от этого зависит и то, что будет. «Когда гремят оркестры, — с горечью говорит один из героев «Летних прогулок», — слабеет память...

да он стал ровесником поколения отцов. Эта вера не мешает ему замечать тревожные симптомы равнодушия и безыдеальности у некоторых нынешних молодых людей; притом он умеет отличать напускное от существенного, болезни роста от злокачественной опухоли цинизма.

Доверие к молодому человеку наших дней — это только одна из ипостасей важнейшей для драматурга темы доверия к человеку. Подчеркиваю: для драматурга. Салыньский решает эту тему именно как драматург, завязывая такие истинно драматические коллизии (например, в «Барабанщице» или во «Взорванном аде»), когда доверять, казалось бы, невозможно, но нельзя и не верить, когда слепое недоверие еще опаснее, чем слепая доверчивость. Человек обязан быть зрячим. Вслед за «Барабанщицей» Нилой Снежко драматург убежден: «Чтобы верить, у человека в общем-то больше

hell